

DOI: 10.33184/dokbsu-2026.2.9

Концепт «дуб» в языковом моделировании мира (на материале русского, китайского и английского языков)

Чжао Ханьцин*

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова

Россия, Чувашская Республика, 428015 г. Чебоксары, Московский проспект, 15.

**Email: 13271799602@163.com*

В настоящей статье систематически представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического исследования концепта «дуб» в русской, китайской и английской языковых картинах мира. Особое внимание уделяется анализу многообразных символических значений, метафорических выражений и образных ассоциаций, связанных с данным концептом, на материале фольклорных текстов. В работе раскрывается богатая культурная коннотация рассматриваемого концепта, а также выявляются интегральные и дифференциальные признаки проявления этих культурных коннотаций в различных языках. Данное исследование способствует отражению специфики менталитета этносов и является важной составной частью изучения языкового моделирования мира.

Ключевые слова: концепт, символическое значение, метафорическое выражение, образная ассоциация, менталитет, фольклор, культурная коннотация, языковое моделирование мира.

Связь языка с национальной культурой реализуется через культурную коннотацию. Культура проникает в языковые знаки через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры [1, с. 54]. Интерпретация символов, метафор и образно-ассоциативных связей, соотносящихся с целевыми концептами в разных языках, позволяет выявить заключенные в них культурные коннотации, способствует пониманию этнического менталитета и конструированию языкового моделирования мира.

Мир живой природы в целом, так и отдельные его части, в частности флора и фауна, могут рассматриваться как один из важнейших модулей, посредством которого этнос

выстраивает свой национально специфический образ мира [2, с. 44]. В качестве репрезентативного примера можно привести дуб: данный биологический вид имеет широкий ареал произрастания, охватывающий Россию, Европу, Китай и Американский континент. Ассоциируемые с ним семантические репрезентации, пройдя длительный процесс исторической кристаллизации, прочно закрепились в соответствующих языковых системах. В свете вышеизложенного, в рамках настоящего исследования был отобран фольклорный материал на русском, китайском и английском языках с целью проведения лингвистического анализа текстовых фрагментов, в которых фигурирует дуб.

В традиционной **русской** культуре дуб выступает в качестве одного из наиболее почитаемых деревьев, в сознании русских он олицетворяет мужское начало, долголетие, силу, стойкость и мужество. Иллюстрацией данного тезиса могут служить следующие паремии: «Стар дуб, да корень свеж» [3, т. 1, с. 310] и «Держись за дубок: дубок в землю глубок» [3, т. 2, с. 160].

Помимо этого, в фольклоре широко представлены такие пословицы, как: «Капля камень долбит. Дятел и дуб продалбливает» [3, т. 1, с. 98], а также «Не срубишь дуба, не отдув губы», «Не отрубить дубка, не надсадя пупка» [3, т. 2, с. 21]. Данные изречения транслируют мысль о том, что преодоление препятствий и достижение успеха невозможны без приложения значительных усилий. В данном контексте также актуализируется устойчивая ассоциативная связь лексемы «дуб» с семантикой крепости и твердости.

Наряду с этим дуб, чьим постоянным фольклорным эпитетом является прилагательное «могучий» [4, с. 180], традиционно выступает объектом сравнения с русскими богатырями-героями.

В традиционных представлениях славян дуб занимает главенствующее положение в иерархии деревьев (ср. фольклорную формулу «дуб – царь русского леса» [4, с. 180]). Данное дерево соотносится с верхним миром и обладает устойчивой положительной культурной коннотацией. В рамках культовой практики древних славян дуб безоговорочно признавался священным деревом, выполняющим широкий спектр сакральных функций. Языческие религиозные обряды и церемонии традиционно совершались рядом со старыми, могучими дубами.

Подобный сакральный символизм находит свое отражение в малых фольклорных жанрах, в частности в народных загадках: «Стоит мост на семь верст: на мосту дуб, на дубу цвет во весь белый свет» (символическое обозначение Великого поста и Пасхи).

Или «На поле на Ордынском стоит дуб Сорочинский, прилетали птички, приносили

по спичке, на спичке по яблочку» (символическое обозначение утрени на Воскресение Христово) [3, с. 40].

В современном русском языке лексема «дуб» может метафорически использоваться для обозначения нечуткого, тупого человека [5, с. 711]. В данном контексте этот дендроним также устойчиво ассоциируется с рядом негативных коннотаций. В качестве примера можно привести следующую паремию: «Удастся – голубец; не удастся – дубец» [3, с. 62]. Кроме того, образ дуба выступает в роли метафоры смерти, что находит свое отражение в фольклорном материале, в частности в следующей загадке: «На горе горынской стоит дуб сарацинской: никто его не обойдет, не объедет, ни царь, ни царица, ни красна девица» (отгадка: смерть) [3, с. 282].

В рамках традиционной славянской культуры дуб устойчиво функционирует в качестве маскулинного символа. В системе народных поверий и ритуальных предписаний данное дерево напрямую отождествлялось с главой семьи. Подобная семантика находила отражение в обрядовых практиках: так, купельную воду после омовения новорожденного младенца мужского пола полагалось выливать к корням дуба. Желаящая рожать сыновей невеста, впервые входя в дом мужа, говорила про себя: «Около двора дубочки, а в дом – сыночки».

В контексте **китайской** культуры дуб обнаруживает глубокую историческую связь с культурами божеств и жертвенными ритуалами. Древние жители нередко собирались в тени дубов для проведения столь значимых социальных мероприятий, как обсуждение общественных дел, исполнение ритуальной музыки и танцев, а также богослужений [6, с. 152]. Дуб также почитался как «社神» (дерево духа земли), выступая в качестве сакрального медиума в древних ритуалах жертвоприношений божествам-покровителям почвы. Он являлся не только маркером определенной социальной общности и локальной территории, но и репрезентировал природную мощь хтонических божеств.

Вместе с тем концепты «дубовые дрова» и «вступление в брак» (женитьба) обнаруживают глубокую семантическую взаимосвязь. В Древнем Китае свадебные церемонии традиционно проводились в сумерках, что обуславливало необходимость использования дров для освещения и ритуальных жертвоприношений. Благодаря таким физическим свойствам, как твердость древесины и длительность горения, дуб стал важнейшим материалом для этих целей, вследствие чего заготовка дубовых дров приобрела статус символического акта в контексте свадебного обряда.

Данный обычай нашел свое отражение в древнейшем памятнике китайского песенно-поэтического фольклора – «*Шинь*» («*Шицзин*»), трансформировавшись в устойчивый ассоциативный концепт, неразрывно связанный с бракосочетанием. Таким образом, «рубка дубовых дров» стала выступать в качестве метафоры брачного этикета, благополучия и светлых надежд, возлагаемых на супружеский союз.

В качестве примера можно привести следующие строки из «*Шинь·Чэ Ся*» («*Шицзин Чэ Ся*»): «*陟彼高冈，析其柞薪。析其柞薪，其叶湑兮。鲜我覯尔，我心写兮。*» [8, с. 153]. (Жених поднимается на высокий холм, чтобы заготовить дубовые дрова. Листва срубленного им дуба предстает необычайно яркой и пышной. Жениху выпало счастье увидеть сегодня свою невесту, отчего его внутреннее напряжение спадает, а сердце наполняется легкостью и умиротворением).

Однако в семиотической системе китайского языка семантические ассоциации, связанные с дубом, носят не только позитивный характер. Если обратиться к традиционной фразеологии (чэньюй) «*樗栎之身*» обозначающую человека заурядных способностей. Тем не менее, при рассмотрении в ином ракурсе, данный концепт также отражает экзистенциальную мудрость: именно благодаря своей природной «непригодности» и бесталанности субъект обретает способность сохранить себя и избежать жизненных катастроф [9, с. 180].

Кроме того, идиома «*橡茹藿歎*», построенная на метафоре потребления желудей и бобового отвара, обозначает условия жизни низших слоев общества, характеризующиеся материальной депривацией и скудным рационом [7; 8, с. 1279].

В то же время в фольклорных нарративных текстах дуб нередко избегает топора лесоруба именно по причине того, что ремесленники признают его древесину непригодной для утилитарного использования, вследствие чего он со временем трансформируется в исполинское священное дерево. Подобный нарративный мотив служит глубокой экспликацией диалектической концепции традиционной китайской философии, согласно которой «польза бесполезного и есть великая польза» [9, с. 249].

В **английском** языке лексема «дуб» также обладает коннотациями монументальности, твердости и непоколебимости. В качестве примера можно привести пословицу «*Great oaks from little acorns grow*» (Из маленьких желудей вырастают огромные дубы) [10, с. 176]. Или такую пословицу, как «*Little strokes fell great oaks*» (Слабые, но частые удары валят великие дубы) [10, с. 403]. Наконец, изречение «*A reed before the wind lives on, while mighty oaks do fall*» (Тростник, гнущийся на ветру, выживает, в то время как могучие дубы падают) [10, с. 571].

Помимо этого, в Древней Греции дуб почитался как «first mother» («праматерь»), поскольку считалось, что в глубокой древности именно желуди служили источником пропитания для человечества. В свою очередь, в ходе древнеримских брачных церемоний было принято держать в руках дубовые ветви, выступавшие священным символом плодородия и продолжения рода [11, с. 850].

В английской традиции дуб также ассоциируется с божествами и первобытными культами, выступая в мифологии в качестве символа самого божества или его священной обители.

В древнегреческой мифологии дуб считался излюбленным деревом Зевса, его эмблемой и местопребыванием его божественной сущности. Согласно преданиям, именно дуб дал Зевсу приют при его рождении на горе Ликей, вследствие чего это дерево стало символизировать гостеприимство.

В Древнем Риме дуб почитался как священное дерево Юпитера (римского эквивалента Зевса), а в скандинавской мифологии он являлся священным деревом Тора, и любое его повреждение расценивалось как святотатство.

В целом, анализ фольклорных материалов на русском, китайском и английском языках показывает, что концепт «дуба» содержит множество символических значений, метафорических и образно-ассоциативных связей, обладает богатой культурной коннотацией и способен отражать менталитет этносов, являясь важной составляющей языкового моделирования мира.

В русском, китайском и английском языках культурные коннотации, связанные с концептом «дуб», обладают как интегральными, так и дифференциальными признаками, причем все они обусловлены спецификой менталитетов этносов.

Концепт дуба в трех языках соотносится с архаическими культами, священными ритуалами жертвоприношения и образами божеств. В русском и английском языках ярко выражены такие интегральные характеристики дерева, как стойкость и мощь, тогда как в китайском языке данная культурная коннотация представлена менее отчетливо.

Кроме того, концепт дуба имеет отрицательные культурные коннотации в русском и китайском языках, однако они относятся к ряду дифференциальных признаков: в русской лингвокультуре акцентируется связь дуба с глупостью, а в китайской – его бесполезностью. Примечательно, что подобная бесполезность в китайской традиции трансформируется в особую пользу, т.к. помогает избегать бедствий. Китайский и английский языки также обладают общим ассоциативным значением, которое связывает

дуб с институтом брака, тогда как в русской лингвокультуре данная коннотация выражена неявно.

Литература

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2007. 202 с.
2. Борисова Л. В. Концепт «Дерево» как лингвокультурный код // Rhema. 2014. №1. С. 34–45.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. в 2-х тт. М.: Имп. О-во истории и древностей Рос. при Моск. ун-те, 1862.
4. Россия: большой лингвострановедческий словарь, 2 000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. / под общ. ред. проф. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-Пресс, 2007. 725 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 939 с.
6. 邹桂萍. 草木知礼仪. 重庆.: 重庆大学出版社, 2020. 323.
7. 潘富俊. 字里行间, 草木皆兵: 植物成语图鉴. 北京.: 九州出版社, 2014. 191.
8. 罗竹风主编. 汉语大词典. 上海: 第四册. 汉语大词典出版社, 1993. 1387.
9. 王敬铭. 中国树木文化源流. 武汉: 华中师范大学出版社, 2014. 467.
10. Smith W. G. The Oxford dictionary of English proverbs. Oxford: Clarendon Press, 1970. 930 p.
11. Watts D. Dictionary of plant lore. Elsevier, 2007. 488 p.

Статья рекомендована к печати

кафедрой русского языка и литературы

Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова»

(д-р. филол. н., доц. Л. В. Борисова).

The Concept of “Oak” in Linguistic world Modeling (Based on the Russian, Chinese, English languages)

Zhao Hanqing*

I. N. Ulyanov Chuvash State University

15 Moskovsky pr, 428015 Cheboksary, Chuvash Republic, Russia.

**Email: 13271799602@163.com*

This article systematically presents the results of a contrastive linguocultural study of the oak concept in Russian, Chinese, and English linguistic worldviews. Special attention is paid to the analysis of diverse symbolic meanings, metaphorical expressions, and figurative associations related to the concept based on folklore texts. The study reveals rich cultural connotations of the investigated concept, as well as integrative and differential features of the manifestation of these cultural connotations in different languages. The research helps reflect the specifics of ethnic mentality and forms an important component of linguistic world modeling.

Keywords: concept, symbolic meaning, metaphorical expression, figurative association, mentality, folklore, cultural connotation, linguistic world modeling.